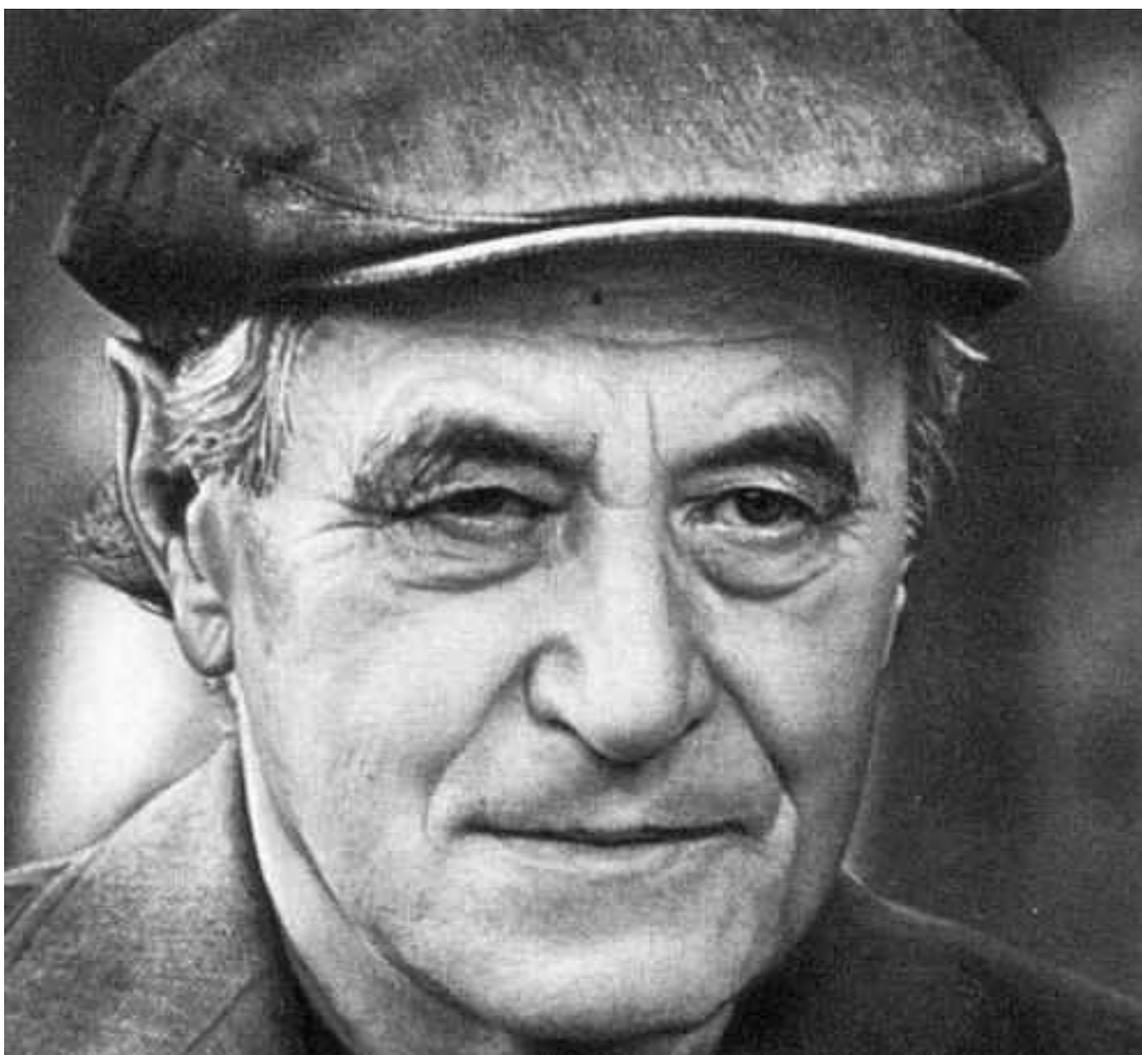

ГАУ ДПО
СМОЛЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

«Катаев – это приключение красок, вечная весна»

16 января 1897 г. – 12 апреля 1986 г.

«Под парусом Валентина Катаева»

**к 125-летию со дня рождения талантливого писателя,
драматурга, прозаика, поэта, сценариста, военного журналиста
Валентин Петровича Катаева**

2022

Выставку подготовили:

Логинова Л. М. – методист регионального информационно библиотечного центра ГАУ ДПО СОИРО;

Логинова О. Н. – методист регионального информационно библиотечного центра ГАУ ДПО СОИРО.

Выставка «Под парусом Валентина Катаева» к 125-летию со дня рождения талантливого писателя, драматурга, прозаика, поэта, сценариста, военного журналиста Валентина Петровича Катаева.

В ней представлены биография писателя, творческий путь В. Катаева, фотографии из семейного альбома, материалы о В. П. Катаеве с канала YouTube, произведения (аудиокниги) и фильмы с канала YouTube.

№	Тема /Раздел	Стр.
I	БИОГРФИЯ В. П. КАТАЕВА	3-39
	1.Семья и детство	3
	2. Валентин Катаев - участник Первой мировой войны	8
	3. Ученичество у Бунина	10
	4. Белое движение	12
	5. «Врангелевский заговор на маяке» и тюрьма	13
	6. Великая Отечественная война в жизни В. Катаева	15
	7. Эстер и эстет	30
	8. Семейный фотоальбом	34
	9. «Настоящий сталинский человек»	36
	10. Хобби В. П. Катаева	37
	11. Последние годы. Болезнь и смерть	38
	12. Материалы о В. П. Катаеве с канала YouTube	39
II	ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В. КАТАЕВА	40-49
	1. Литературные произведения В. Катаева	40
	2. Аудиокниги по произведениям Катаева с канала YouTube	44
	3. Поэзия	45
	4. Драматический театр	45
	5. Фильмография. Фильмы по произведениям В. П. Катаева с канала YouTube	47

I. БИОГРАФИЯ В. П. КАТАЕВА

1. Семья и детство

В. П. Катаев родился 16 (28) января 1897 года в Одессе.

По манерам и речи Катаев до конца жизни оставался одесситом хотя прожил 64 года своей жизни в Москве и Переделкине. Русскую и украинскую литературу он узнавал с голоса родителей; на улице слышал идиш и городской мещанский жаргон, в котором были замешаны греческие, румынские и цыганские слова.

«Отрывистую речь с небольшим южным акцентом» в нём ещё в 1918 году замечала Вера Бунина. Бравший у него интервью в 1982 году (в конце жизни) одесский журналист высказался ещё определённое: «... У него был неистребимый одесский акцент».

Язык Одессы в значительной степени стал литературным языком Катаева, а сама Одесса стала не просто фоном для многих произведений Валентина Катаева, но их полноправным героем.

Дед Валентина Катаева по отцу - Василий Алексеевич Катаев (1819 - 1871) - сын священника. Обучался в Вятской духовной семинарии, затем окончил Московскую духовную академию. С 1846 года работал инспектором в Глазовском духовном училище, был протоиереем Ижевского оружейного завода. В июне 1861 года был переведён в Вятский кафедральный собор.

Дедушка писателя Отец Василий Катаев. Бабушка Павла Павловна Катаева, дядя Николай Васильевич Катаев, Отец писателя Петр Васильевич Катаев, Дядя Михаил Васильевич Катаев (60-е годы 19 века, Вятка)

Отец Петр Васильевич Катаев был очень образованным человеком. Начальное образование он получил в духовной семинарии, затем окончил с серебряной медалью историко-филологический факультет Новороссийского университета и многие годы преподавал в юнкерском и епархиальном училищах Одессы.

Петр Васильевич Катаев с сыновьями Валентином и Евгением. Одесса. 1910 год.
Мать Евгения Ивановна Бачей (1867 - 1903) - дочь генерала Ивана Елисеевича Бачея,
из полтавской мелкопоместной дворянской семьи

Мать Валентина Катаева Евгения Ивановна Бачей (слева)
с подругой 1890-е годы

Вскоре после рождения младшего сына Евгения впоследствии ставшего (под псевдонимом «Петров») одним из соавторов прославленных романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» мать Евгения Ивановна Катаева умерла от воспаления легких, и детей помогала воспитывать ее сестра, заменившая осиротевшим детям мать. Тетя была очень доброй, но маму заменить маленькому Вале не могла. Травма от потери навсегда осталась в душе ребенка.

Потеря оставила в душе Валентина очень глубокую рану. Много позднее его жена

вспоминала:

Однажды я опоздала на свидание и сказала, что задержалась из-за мамы. Валя посмотрел на меня: “Какая же ты счастливая! А у меня мамы нет с шести лет”. Он принялся рассказывать и довел меня до слез. С того момента у меня появилось к нему какое-то особое отношение, и оно сохранилось вплоть до сегодняшнего дня”.

Овдовевший 47-летний отец Валентина и Евгения больше не женился.

Валя Катаев 1898

Женя и Валя Катаевы 1893 год

Братья Катаевы росли в окружении книг. В семье была необыкновенно обширная библиотека - полные собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова, Тургенева, Некрасова, Лескова, Гончарова, много исторической и справочной литературы - «История государства Российского», энциклопедия Брокгауза и Эфрона, атлас Петри. Любовь к русской классической литературе с детства была привита им родителями, любившими чтение вслух.

Как позднее вспоминал сам Катаев, писать он начал с девяти лет и с детства был уверен, что родился писателем. Разграфив школьную тетрадку на две колонки, подобно однотомному собранию сочинений Пушкина, он с места в карьер стал писать полное собрание своих сочинений, придумывая их тут же все подряд: элегии, стансы, эпиграммы, повести, рассказы и романы. Но еще раньше, совсем еще малыш Валя, накалякав нечто густое на бумаге, он с ошибками, кривыми печатными буквами приписал первую в жизни поэтическую строку: «Какой хороший этот лес и как прекрасно в этой дали».

В 1910 году мечта 13-летнего мальчишки (которого к этому времени гимназистки уже прозвали сумасшедшим) сбылась - в газете «Одесский вестник» было опубликовано его лирическое стихотворение «Осень».

ОСЕНЬ

Холодом дышит природа немая.
С воем врывается ветер в трубу.
Желтые листья он крутит, играя,
Пусто и скучно в саду.
Черное море шумит на просторе,
Бешено волны седые кипят,

И над холодной, кипящей пучиной
Белые чайки визгливо кричат.
Крик их мешается с ревом стихии,
Скалы, как бронза, от ветра звенят,
Серым туманом покрыты обрывы,
Дачи пустые уныло молчат.

В день, когда стихотворение было напечатано, Катаев в гимназию не плелся, а бежал. Газетную страницу он прилепил к стеклянной двери класса, «и вся гимназия бегала смотреть на стихи, которые написал Валька». Но он получил страшный нагоняй от директора – подписываться своим именем гимназисту было не положено. Катаев учился в 5-й мужской гимназии г. Одессы.

5-я мужская гимназия в г. Одесса

Окрыленный успехом юноша чаще стал появляться в редакциях, и всякий раз тащил туда своего младшего брата, который позже вспоминал: «Он... водил меня по редакциям. «Женька, идём в редакцию!» Я ревел. Он водил меня потому, что ему одному было идти страшно».

Увидев интерес читателей к своему первому литературному шедевру, Валентин еще сильнее загорелся. Так за два года мир увидело еще 25 потрясающих его стихотворений.

РАССВЕТ

Восток алел. Плескалось тихо море.
Соленый ветерок ромашки колыхал.
И чайки с криками носились на просторе.
Предутренный туман на запад улетал.
Я на скамье сидел и морем любовался.
Теснился в голове печальных мыслей рой.
Картины прошлого неслись передо мной.
В душе растаял лед и пламень разгорался...
Восток алел!..

В 1912 году Валентин попробовал изменить жанр. В результате стали появляться юмористические рассказы. Параллельно появляются два серьезных объемных произведения «Пробуждение», а также «Темная личность». Первый рассказ описывал великую любовь молодого человека к девушке, которую он героически оставил ради революци-

онного движения. Второе произведение несло сатирический подтекст, высмеивая А. Куприна, А. Аверченко и М. Корнфельда.

И с раннего детства же в характере Катаева можно разглядеть авантюристическую жилку, соединенную с организаторскими способностями: «Как вспомнишь теперь то легкомыслие, ту внезапность, неожиданность для самого себя, с которой в голове моей вдруг, ни с того ни с сего, рождались самые поразительные идеи, требующие немедленного претворения в жизнь, то не можешь не улыбнуться, а отчасти даже пожалеть, что уже нет в тебе той дьявольской энергии, той былой потребности немедленного действия, пусть даже подчас и весьма глупого, но всё же действия!» (Катаев В. П. Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона).

В 1913 г. орган губернского отдела Союза русского народа «Одесский вестник» публикует стихотворение пятнадцатилетнего подростка «Привет Союзу Русского Народа» в день семилетия Союза»:

«Привет тебе, привет,
Привет, Союз родимый,
Ты твердою рукой
Поток неудержимый,
Поток народных смут
Сдержал. И тяжкий путь
Готовила судьба
Сынам твоим бесстрашным,
Но твердо ты стоял
Пред натиском ужасным,
Храня в душе священный идеал...
Взошла для нас заря.
Колени преклоняя
И в любящей душе
Молитву сотворяя:
Храни Господь
Россию и царя».

Незадолго до начала Первой мировой войны Катаев знакомится с А. М. Фёдоровым и И. А. Буниним, ставшими первыми литературными учителями начинающего писателя. В эти же годы начинается дружба Катаева с Юрием Олешей и Эдуардом Багрицким, положившая начало знаменитому кружку молодых одесских литераторов.

2. Валентин Катаев - участник Первой мировой войны

Господин подпоручик, дозвоьте слово,
Скорее не слово, признание Вам,
Скорей извиненье, что мы не готовы
Таланту поэта отдать свою дань...
Что мы не читали, не ведали в строках,
Что можно Россию любить, так как Вы:
В землянках, шинелях, и просто в обозах,
В разрушенной хате, в дорогах войны.

Дмитрий Борисов. Валентину Катаев

Участник боев под Сморгонью был
восемнадцатилетний Валентин Катаев

В начале Первой мировой войны В. Катаев с аттестатом за шесть классов Пятой гимназии города Одессы зимой 1915 года добровольцем (правильнее, охотником) уходит на фронт. Первая мировая уже полыхала во всю силу, и основные боевые действия, как известно, проходили в Белоруссии. Вольноопределяющийся Катаев мог выбрать род войск. Он выбирает артиллерию. Вольноопределяющийся I разряда 1-й батареи 61-го артдивизиона Валёк Катаев, как говорят, по ноздри и выше хлебнул смертельно опасного «бульона» фронтовой жизни. Служит в 64 артиллерийской бригаде. В окопах под Сморгонью начал канониром, т.е. младшим чином в артиллерии. Что чувствовал тогда юноша, писавший с 1910 года романтические стихи, восхищавшийся Блоков, преклонявшийся перед Буниным?

История сохранила для нас его собственное искреннее признание из письма возлюбленной: «Опять обстрел. Немец бьет по батарее, словно гвозди вколачивает... Ужасное зрелище... Если вам кто-то скажет, что на войне не страшно, не верьте». Какое мужество, осознать страх, жить в нем и не уйти с поля боя! Тем более, что бои происходили под Сморгонью, городом, который потом нарекут «мертвым»: он будет полностью разрушен и сожжен. После войны из 16 тысяч жителей сюда вернутся всего 130 человек...

Вскоре В. Катаев получает нашивки бомбардира, дальше младшего фейерверкера. Через год произведен в звание прапорщика. Дважды был ранен и отравлен газами, поэтому у него на всю жизнь осталась хрипотца голоса. В мае 1917 года Катаев вновь оказался на фронте, в июле был тяжело ранен и до ноября пролежал в одесском госпитале. Катаеву был присвоен чин подпоручика, но получить погоны он не успел, был демобилизован прапорщиком.

«Теперь я был свободен и мне не угрожала ежеминутная смерть. Мои руки стыли в лайковых офицерских перчатках, полученных мною совсем недавно, при производстве в офицеры. Надо было бы радоваться, что война для меня кончилась так благополучно: всего одна контузия, пустяковое отравление газами и ранение в бедро. Тем не менее мне было грустно».

Валентин Катаев

Как проявил себя будущий писатель в грозные годы Первой мировой войны, мы можем судить по его наградам – два Георгиевских креста, орден Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и личное дворянство, не передающееся по наследству (его родители происходили из священнослужительских семейств).

Кроме храбрости и находчивости в боях, В. Катаев не оставлял и литературную стезю. На фронте Катаев не оставляет занятия литературным творчеством. В прессе появляются рассказы и очерки Катаева, посвященные фронтовой жизни. Рассказ «Немчик», опубликованный в 1915 году в журнале «Весь мир», стал первым выходом Катаева на страницы столичной печати. Тем и интересен он нам сегодня. Не каждый знает, что В. Катаев начинал как поэт и, умирая, считал себя поэтом, не издав ни одного сборника. Во время Первой мировой войны этот влюбленный юноша пишет сонеты и письма в стихах своей избраннице. В собрании сочинений автора читатель найдет несколько стихотворений с пометкой «Действующая армия» («Письмо», «Туман весенний стелется...», «У орудия», «Ночной бой» и «Ранение»), в которых отражена война, но более всего романтизм самого автора:

Ночной бой

В цепи кричат «ура!». Далеко вправо – бой.

Еловый лес пылает, как солома.

Ночная тишь разбужена пальбой,

Раскатистой, как дальний рокот грома.

Ночной пожар зловещий отблеск льет.

И в шуме боя, четкий и печальный,

Стучит, как швейная машинка, пулемет

И строчит саван погребальный.

1916

Ранение

От взрыва пахнет жженым гребнем.

Лежу в крови. К земле приник.

Протяжно за далеким гребнем

Несется стоголосый крик.

Несут. И вдалеке от боя

Уж я предчувствую вдали -

Тебя, и небо голубое,

И в тихом море корабли.

1917

3. Ученичество у Бунина

Октябрьская революция застала его в Одесском лазарете, где он залечивал свою последнюю рану, полученную во время июньского наступления на румынском фронте.

После демобилизации он полностью посвятил себя литературной деятельности. В начале 1918 года Катаев стал деятельным членом нового одесского содружества «Зелёная лампа». В местной печати замелькали его стихи с некоторым православным уклоном. Октябрьская революция застала его в Одесском лазарете, где он залечивал свою последнюю рану, полученную во время июньского наступления на румынском фронте.

После демобилизации он полностью посвятил себя литературной деятельности. В начале 1918 года Катаев стал деятельным членом нового одесского содружества «Зелёная лампа». В местной печати замелькали его стихи с некоторым православным уклоном

В монастыре звонят к вечерне,
Поют работницы в саду.
И дед с ведром, идя к цистерне,
Перекрестился на ходу.
Вот загремел железной цепью,
Вот капли брызнули в бурьян.
А где-то над закатной степью
Жужжит, как шмель, аэроплан

Единственным и главным своим учителем среди писателей-современников Катаев считал Ивана Бунина. «Дорогой учитель Иван Алексеевич» - обычное обращение Катаева к Бунину в письмах.

С Буниным Катаева познакомил живший в то время в Одессе писатель Александр Митрофанович Фёдоров.

Иван Бунин

В то время Катаева ценил сам Бунин, считавший Валентина своим учеником. Они были знакомы еще с 1914 года, а в восемнадцатом стали приятелями. Спустя полвека Катаев, вспоминая молодость, признался, что Бунин предстал перед ним как бы «вы-

ходцем из потустороннего мира – жестокого, фантастического, ни на что не похожего и вместе с тем глубоко национального, – мира наших пращуров, создавших Русь по своему образу и подобию». Но мастер и молодой литератор приятельствовали, похоже, недолго. Холодок в их отношениях возник, видимо, сразу после того, как в конце марта 1919 года Одессу оставили французы. Катаев вскоре стал метаться между белыми и красными, а Бунин в январе 1920 года навсегда уехал в Европу.

В эмиграции Бунин никак публично своё учительство по отношению к советскому писателю не подтверждал, но в 2000-е годы вдова Катаева Эстер рассказала об их с мужем встрече в конце 1950-х годов с вдовой Бунина:

...Бунина он называл своим учителем с полным правом - Симонов привёз от него в сорок шестом году «Лику» с надписью, подтверждающей, что он следил за Катаевым внимательнейшим образом. А в конце пятидесятых мы посетили Веру Николаевну, вдову Бунина, - были у неё в гостях в Париже, и я видела, как она обняла Валу... Она была вся выплаканная. Купила меренги, которые он обожал, - помнила даже это! И встретила его так ласково... И даже знала, что я - Эста, сразу назвала по имени! Она рассказала: Бунин читал «Парус» вслух, восклицая - ну кто ещё так может?! Но вот в одно он никогда не мог поверить: что у Вали Катаева - дети. Как это у Вали, молодого Вали, - может быть двое взрослых детей? Муж попросил показать любимую пепельницу Бунина в виде чашечки - она принесла её и хотела Вале подарить, но он сказал, что не смеет её взять. «Ладно, - сказала Вера Николаевна, - тогда её положат со мной в гроб».

Впрочем, сам Бунин в отношении Катаева высказывался резко отрицательно. Из дневников Ивана Бунина за 1919 год:

«Был В. Катаев (молодой писатель) Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорит: «За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки» (И.А. Бунин. Окаянные дни, запись от 25 апреля 1919 г.)

Однако спустя годы он также искренне, по свидетельству его вдовы - Веры Николаевны, поднимал на щит катаевскую повесть «Белеет парус одинокий». Вера Николаевна рассказывала жене Катаева: «Бунин читал «Парус» вслух, восклицая - ну кто ещё так может?!»

Стихотворение Вал. Катаеву. Журнал «Яблочко», Одесса, апрель 1918

4. Белое движение

По официальной советской версии и собственным воспоминаниям («Почти дневник»), Катаев с весны 1919 года воевал в Красной армии. Однако существует и другой взгляд на этот период жизни писателя, заключающийся в том, что он на добровольной основе служил в Белой армии генерала А. И. Деникина.

Антон Иванович Деникин - русский военачальник, генерал-лейтенант, публицист, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, военный документалист.

Об этом свидетельствуют некоторые намёки в произведениях самого автора, многие исследователи считали их автобиографическими, а также сохранившиеся воспоминания семейства Буниных, активно общавшегося с Катаевым в одесский период его жизни.

В 1918 году вступил в вооружённые силы гетмана П. П. Скоропадского. После падения гетмана в декабре 1918 года, при появлении к северу от Одессы большевиков, Катаев в марте 1919 года вступил добровольцем в Добровольческую армию в чине подпоручика.

Артиллеристом служил на лёгком бронепоезде «Новороссия» Вооружённых сил Юга России (ВСЮР), командиром первой башни (самое опасное место на бронепоезде). Бронепоезд был придан отряду добровольцев А. Н. Розеншильда фон Паулина и выступил против петлюровцев, объявивших 24 сентября 1919 года войну ВСЮР. Бои длились весь октябрь и закончились занятием белыми Вапнярки. Отряд наступал на Киевском направлении в составе войск Новороссийской области ВСЮР генерала Н. Н. Шиллинга (действия войск Новороссийской области ВСЮР были частью деникинского похода на Москву).

До начала отступления войск ВСЮР в январе 1920 года, бронепоезд «Новороссия» в составе отряда Розеншильда фон Паулина воевал на два фронта - против петлюровцев, закрепившихся в Виннице, и против красных, стоявших в Бердичеве.

Из-за быстрого роста в чинах во ВСЮР (ордена за братоубийственную войну Деникиным принципиально не давались), эту кампанию Катаев окончил, вероятнее всего, в чине поручика или штабс-капитана. Но в самом начале 1920 года, ещё до начала отступления, Катаев заболел сыпным тифом в Жмеринке и был эвакуирован в одесский госпиталь. Позже родные забрали его, всё ещё больного тифом, из-за которого не смог эвакуироваться с Буниным в Константинополь. А потом его чуть не расстреляли в ЧК, и жизнь спасли былые выступления на поэтических «красных» вечерах. Если говорить о взглядах, полагаю, он всю жизнь сочетал европейскую просвещенность и русский патриотизм. Он пришел к выводу, что, несмотря на все потрясения, Россия остается Россией. Неслучайно вместе с Булгаковым они оказались в одной сменовеховской газете «Накануне», а потом Катаева опекал вернувшийся на родину Алексей Толстой, а потом сам Катаев тепло встречал Куприна, вернувшегося из эмиграции аж в 1937-м.

5. «Врангелевский заговор на маяке» и тюрьма

К середине февраля 1920 года Катаев излечился от тифа. Красные к тому времени заняли Одессу, и выздоровевший Катаев подключился к подпольному офицерскому заговору, целью которого была подготовка встречи вероятного десанта из Крыма Русской армии Врангеля. Это представлялось тем более вероятным, что в августе 1919 года Одесса уже была один раз освобождена от красных одновременным ударом десантного отряда и восстанием офицерских подпольных организаций. Захват маяка для поддержки десанта был главной задачей подпольной группы, поэтому в одесской ЧК заговор получил название «врангелевский заговор на маяке». Сама идея заговора могла быть подброшена заговорщикам агентом ЧК, поскольку ЧК знала о заговоре с самого начала.

Моряки с британского линкора «Аякс» на причале Одесского порта

Командующий Русской армией барон Врангель. 1920

Из письма которое сохранилось в архиве Буниных. «Дорогой учитель Иван Алексеевич, Вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде «Новороссии». Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока нас хранит. Я на командной должности - оружейный начальник и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны - не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех. Часто думаю о Вас. Несколько раз читал ваши стихи в «Южном слове». Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий и очень большой поэт. Завтра напишу Вам боль-

шое письмо с приложением своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-нибудь, например в «Россию». Привет Вере Николаевне. Ваш Валентин Катаев».

Бронепоезд «На Москву» в 1919 году.
На фото он еще не захвачен «красными»,
т. к. на обоих военных погоны

С маяком был связан один из заговорщиков Виктор Фёдоров - бывший офицер ВСЮР, избежавший преследований со стороны красных и устроившийся работать младшим офицером в прожекторную команду на маяке. Он был сыном писателя А. М. Фёдорова из дружественного Катаевым и Буниным семейства. Агент ЧК предложил Фёдорову большую денежную сумму за выведение из строя прожектора во время высадки десанта. Фёдоров согласился сделать это бесплатно. ЧК вела группу несколько недель и затем арестовала её участников: Фёдорова, его жену, прожектористов, Валентина Катаева и его младшего брата Евгения которые прошли через «адовы ворота» ареста. Его и брата Евгения чекисты все-таки упрятали в кутузку одесской «чрезвычайки», предъявив обвинение в подготовке захвата маяка. Уже был отпечатан приказ о расстреле братьев, когда в помещении ЧК на Греческой площади в Одессе появился инспектор из Москвы большевик Яков Бельский. Он-то и припомнил, как на одной из большевистских сходов в той же Одессе с пламенной речью выступал фронтовик Валентин Катаев, который на самом деле тогда был скрытым белогвардейским подпольщиком.

Бельский хорошо запомнил Катаева в прошлом, 1919 году, на большевистских выступлениях в Одессе - тех, на которые пенял Катаеву Бунин, не зная, что и в то время Катаев находился в белогвардейском подполье:

Ведь если я с вами говорю после всего того, что вы натворили, то, значит, у меня пересиливает к вам чувство хорошее, ведь с Карменом я теперь не клянюсь и не буду кланяться. Для Бельского, так же, как и для одесских чекистов, не знавших о добровольной службе Катаева во ВСЮР, это был достаточный повод отпустить Катаева. В сентябре 1920 года после полугода заключения в тюрьме Валентин Катаев и его брат из неё вышли. Остальные заговорщики были расстреляны осенью 1920 года.

6. Великая Отечественная война в жизни В. Катаева

В годы Великой Отечественной войны Катаев был военным корреспондентом, написал большое число очерков, рассказов, публицистических статей, стихотворных подписей к плакатам. Один из рассказов Катаева тех лет - «Отче наш» - следует по праву отнести к русской литературной классике. В самом конце войны, в канун Победы, он пишет одну из своих самых «солнечных» повестей - «Сын полка». Её герой - мальчик Ваня Солнцев - с недетской судьбой, но одновременно с чистотой и поэтичностью восприятия мира.

Валентин Катаев напророчил войну СССР с гитлеровской Германией еще в 1935-м.

Тогда он написал сценарий «Лицо героя», фильм по которому «Родина зовет», снятый Александром Мачеретом, вышел в 36-м, но был убран с экранов.

Лето 1941-го Катаев проводил в Переделкине. Наступление немцев встретил за-поем.

В самом начале войны над их домом низко пролетел самолет, и маленькая Женя (дочь Катаева. - Прим. ред.), задрала голову, пролепетала:

- Война едет...

Уже 3 июля Эстер жена Катаева и дети вместе с семьями других писателей уехали в эвакуацию: Берсут, Чистополь, позже Куйбышев...

Из Берсута где Эстер некоторое время раздавала еду в столовой вместе с женами Пастернака и Лебедева-Кумача. В Чистополь плыли на пароходе. Безумно хотелось пить. Женю укусила дурной комар, и она заболела малярией на много лет.

В Чистополе Эстер поселилась в гостинице в одном номере с женой Долматовского Софьей и устроилась нянечкой в детсад-интернат, куда отдала Женю и Павлика. Оттуда как-то вечером Женя совершила побег. Она пришла укладывать братика, стала толкать его и шептать: «Павлик, плачь!». Мальчик заплакал. Собрались недоуменные взрослые. Под шумок девочка выскользнула на волю. Она пошла по улице, не зная, куда идти, но решив найти маму. На счастье, повстречался писатель Николай Ляшко, кото-

рый подхватил ее и притащил в гостиницу - ночью Эстер вернулась и обнаружила сюрприз - дочку у себя в постели.

20 июля в «Литгазете» Катаев выступил в знакомом для себя жанре «приветствия англичанам» в связи с Соглашением о совместных действиях между СССР и еще месяц назад «империалистической» Британией: «Я знаю, что поют англичане, что написано на их знамени: «Никогда, никогда англичанин не будет рабом»... Я счастлив, что в эти великие дни мы вместе». 30 июля он заявил в «Литгазете», что вносит в «фонд обороны» свой месячный заработок.

Немцы наступали стремительно.

16 августа Первенцев записал в дневнике: «Пришли Катаев, потом Фадеев и Баталов. Катаев, по обыкновению, был пьян до бесчувствия, падал и бил посуду. Противно смотреть. На груди орден Ленина». И далее о «Коньяк-Фадееве»: «Вместо того чтобы избивать и издеваться над писателями, он должен был бы хотя бы примитивно воспитать своих собутыльников типа Кагор-Катаева. Фадеев с жадностью пил водку и пиво».

16 октября 1941-го советские войска покинули Одессу и переправились в Крым. В город вошли румынские войска.

5 октября в «Огоньке» вышел рассказ Катаева «Их было двое»: младший командир «советский еврейский поэт» двадцатитрехлетний Вергелис ведет пленного ровесника голубоглазого стрелка-радиста ВиллиРенера. «В голове тяжело гудело. Ослабевшие ноги нетвердо ступали... Во рту пересохло. Очень хотелось пить и курить». Похмельные муки переданы со знанием дела... «Немец обернулся на ходу. С перепоя ему хотелось болтать».

А вот и болтовня:

«- Я облетел почти всю Европу... Я был в Бухаресте... В Бухаресте много публичных домов... Я также был в Голландии.

- Что же вы видели в Голландии?

- В Роттердаме отличные, богатые магазины... Кроме того я был в Польше.

- А что вы заметили в Польше?

- Польские девушки - змеи: они кусаются.

- А в Греции?

- В Греции душистый коньяк».

(Любопытно, что поэт и фронтовик Арон Вергелис впоследствии стал вторым мужем Евгении Катаевой, которой в 1941 году было пять лет).

«Ох, какое это было кошмарное время, - говорила героиня катаевской военной повести «Жена». - Вспомнить страшно. Украина занята. Белоруссия занята. Ленинград в кольце. Волоколамск. Истра. Подумайте только - Истра! Проносится слух, что немецкие танки в Химках». Этот слух охотно распространял сам Катаев.

В 1985-м Катаев в новомировском эссе вспоминал «страшные дни, когда фашистские генералы уже рассматривали в свои цейсовские бинокли кремлевские башни».

Между тем, по мнению Первенцева, некоторые писатели готовились к «грядущему режиму». Он вспоминал встречу с Александром Авдеенко в октябре 41-го в клубе писателей.

«Я сравнил его с плутоватым Фадеевым, с пьяницей Катаевым...

- Я знаю, - сказал Авдеенко, - идут немцы, которым я нужен...

Он хотел остаться. И не потому, чтобы видеть героиню города и страдать его страданиями. Нет! Он хотел лучше переметнуться в связи с изменением политической ситуации».

Говорят, той осенью в клубе писателей подавали отменные соленые грузди - грибной год войны...

7 ноября 41-го, несмотря на панику горожан и постоянные авианалеты, прошел военный парад на Красной площади с уверенной речью Сталина (он упомянул «перепуганных интеллигентиков») - ночью по его приказу были расчехлены и зажжены кремлевские звезды. В декабре атаки немцев захлебнулись, началось советское контрнаступление.

Но ощущение страшной опасности не отступало. В сентябре 42-го поэт Виктор Гусев, приехав из Москвы в ташкентскую эвакуацию, рассказал Всеволоду Иванову: «Катаев пьет так, что даже Фадеев должен был ему посоветовать уехать на время: «а то за тобой уже посматривают»». Иванов в своем дневнике связал то, что Фадеев и Катаев

«пьют без просыпа» с большими успехами Гитлера.

Однако миф о несокрушимости и победоносности гитлеровской армии кончился под Москвой.

16 февраля 1942-го Катаев написал в «Правде»: «Довоевались!» В статье «Сверхчеловеки» он не жалел средств для высмеивания «хваленого «немецкого воина»»: «Чрезвычайно обессиленный, умственно отсталый, исхудавший, опустившийся... Вшивый. Грязный. Вороватый. Блудливый. В жилете из газеты «Фёлькишербеобахтер», в штанах из газеты «Ангрифф», заплатанных сзади страницами «Майн Кампф»».

За десять дней до этого, 6 февраля 42-го Катаев рассматривал в «Правде» снимки, найденные у убитого немецкого офицера в районе Яропольца. Пятеро повешенных. «Они прямо смотрят смерти в глаза. Они знают, что умирают от рук гитлеровских палачей за родину, за Сталина. Они не боятся смерти... Секунда - и стол выбит из-под их ног. Это уже не люди. Это трупы... Русского патриота, человека сталинской эпохи, запугать нельзя».

18 февраля, тоже в «Правде», он вчитывался в приказ фашистского коменданта одного из районов Ленинградской области: «Каждый, который у себя есть одна корова, сдай в восемь часов один горшок с молоком». «Какой «лингвист» потел над этим приказом? - возмущался Катаев. - Растрепанная душонка, потерявший остатки совести и чести, проклятый родной страной и забывший родной язык белогвардеец, продавшийся фашистам?».

В ответ на «краски Геббельса» (название статьи Катаева от 19 июля 41-го) у нас найдутся свои... 19 марта 42-го «Правда» напечатала его первый военный рассказ - «Флаг». Немцы осаждают маленький гранитный остров. Когда боеприпасов и продовольствия уже не остается, советским воинам предлагают вывесить белый флаг капитуляции. Немецкий контр-адмирал видит это огромное знамя, темное от предрассветных сумерек, потом оно кажется ему красным от восходящего солнца... Скалы взрываются вместе с десантом, а оставшиеся бойцы отстреливаются до конца. «Флаг никогда не был белым. Он всегда был красным. Он не мог быть иным». Он еще полыхнет над Берлином...

Рассказ очень показательный для эстетики Катаева, в которой наш мир - красный, хотя и считается, что белый цвет вмещает все цвета радуги. Катаев был перепачкан красками, но главная - горячая краска жизни и смерти. Конечно, наш мир - это волшебный цветик-семицветик, но все же трепетные лепестки тянутся от багровой мясистой сердцевины.

Описание флага страны вообще удавалось Катаеву. С особой поэтичностью изображал еще в «Растратчиках»: «Высоко над Красной площадью, над смутно светящимся Мавзолеем, над стенами Кремля, подобно языку пламени, струился в черном небе дивно освещенный откуда-то, словно сшитый из жидкого стекла, насквозь красный флаг ЦИКа». И репортаж из Западной Белоруссии завершал словно бы стихотворной строчкой: «В ясном, фарфоровом небе реют прозрачно красные флаги». Вот и теперь, вдохновляя воюющих не сдаваться, опять погружался в тайны цвета: «Он был сшит из заветных шелковых платочков, из красных косынок, шерстяных малиновых шарфов, розовых кисетов, из пунцовых одеял, маек. Алый коленкорový переплет первого тома истории гражданской войны и два портрета - Ленина и Сталина, вышитых гладью на вишневом атласе, - подарок куйбышевских девушек - были вшиты в эту огненную мо-

заик... Как будто незримый великан-знаменосец стремительно нес его сквозь дым сраженья, вперед, к победе».

То, что в рассказе «Флаг» Катаев занят собой и решает эстетические вопросы, переходящие в метафизические, уловил неугомонный Абрам Гурвич. «Холодный огонь неодушевленного эстетизма», - так он выразился в статье «Ответственность художника» 10 апреля 43-го в газете «Литература и искусство» (по мотивам выступления на творческо-критическом совещании в Союзе писателей). «Это должен был быть рассказ о героических защитниках острова Н., но он стал рассказом об игре световых пятен». Вердикт Гурвич выносил суровый: «Незахваченный пафосом борьбы художник будет говорить не то и не так, и краски его будут мертвыми».

На той же полосе наставлял Шкловский: «Писать во время величайшей войны не о ней - не только бессовестно, но и нельзя».

Между тем, в разгар войны Катаев написал как никогда много стихов, далеких от исторических потрясений - о природе и женщинах...

Её глаза блестели косо,
Арбузных косточек черней,
И фиолетовые косы
Свободно падали с плечей.
Пройдя нарочно очень близко,
Я увидал, замедлив шаг,
Лицо скуластое, как миска,
И бирюзу в больших ушах.
С усмешкой жадной и неверной
Она смотрела на людей,
А тень бензиновой цистерны,
Как время, двигалась по ней.

Первый его выезд на фронт случился весной 42-го - в Подмоскowie, под Сычёвкой. Был Катаев и под Ржевом. Советские войска несли большие потери и безуспешно пытались выбить неприятеля. 23 марта в «Правде» появилась его фронтовая зарисовка разведки боем: рвутся немецкие мины, советские танки врезаются в снежную стену, из-за которой тюкают противотанковые ружья... По воспоминаниям Давида Ортенберга,

Катаев потребовал, чтобы его посадили в танк и дали участвовать в атаке, при этом в дивизии из-за тяжелых боев оставалось всего три танка. «Долго ему в этом отказывали, наконец, после настойчивых просьб, разрешили». Катаев забрался в «тридцатьчетверку», но от боя его уберегли. Когда танк остановился, «вылез из него писатель разочарованным. А потом ему признались, что танк шел не на запад, на противника, а на восток, в наш тыл.

- Ругайте нас, не ругайте, - каялись танкисты, - но мы боялись, что вас убьют».

А вот Катаев полагал, что танк все-таки участвовал в бою. Встретившись с художником Виталием Горяевым, иллюстратором его «Паруса», он воскликнул: «Черт меня дернул попроситься в танк, идущий в бой!.. Вернулся весь избитый и ничего не увидел. Амбразура была загорожена круглыми спинами, а вокруг острые углы холодного металла. Ухватиться абсолютно не за что, и я весь в синяках и ссадинах, а говорят, был бой...»

А война не отпускала и Москву...

Был май, стояли ночи лётные

И в белом небе без движения

Висели мёртвые животные

Аэростатов заграждения.

В одну из бомбовых ночей Катаев и Пастернак дежурили с песком на крыше дома в Лаврушинском.

Это был их хрупкий заслон на пути войны - «озаренный зловещим заревом пылающего где-то невдалеке Зацепского рынка, подожженного немецкими авиабомбами, на фоне черного Замоскворечья, на фоне черного неба, перекрещенного фосфорическими трубами прожекторов противовоздушной обороны, среди бегающих красных звездочек зенитных снарядов, в грохоте фугасок и ноющем однообразии фашистских бомбардировщиков, ползущих где-то вверху над головой».

Пастернак жил на последнем этаже, а на крыше стояло зенитное орудие, и он пошутил: «Наверху зенитка, а под ней Зинаидка» (впрочем, его жена Зинаида к тому времени уже была в эвакуации).

Немцы уже для всех очевидно проигрывали.

Катаев писал:

Голубой пожар метели

И победный шум знамён.

Волга в белой спит постели.

Грозно стынет синий Дон.

Льётся огненная лава.

Враг бежит, от страха пьян.

Где ж твоя былая слава,

Потрясенный великан?

Погоди-ка, погодика-ка,

То ли будет, то ли ждёт!

Волжский лёд тебя остудит,

Русский пламень обожжёт.

Вижу я, как у дороги,

У крутого бережка

Рухнут глиняные ноги,
Треснет медная башка!
Силой нашею проучен,
Ты рассыплешься навек
У таинственных излучин
Двух великих русских рек.

В феврале 1943 года чудовищная Сталинградская битва завершилась разгромом и пленением отборной группировки противника.

Летом состоялось самое крупное танковое сражение в истории - Курская битва. Стратегическая инициатива окончательно перешла на сторону Красной армии, которая дальше только наступала.

Тем летом по дороге на фронт Катаев заехал в Ясную Поляну. В пруду купалась солдатская рота, и в этом ему привиделось что-то толстовское, будто из «Войны и мира».

Без обмундирования и нужных бумаг он прибыл в 12-й танковый корпус генерала Митрофана Ивановича Зиньковича. Встретили сурово: не шпион ли. Но недоразумение быстро разрешилось, писателя обрядили в военную форму.

Катаев вспоминал, что искал корпус Зиньковича по компасу, идя по неубранным полям, мимо мертвых танков. Вдруг он услышал звук бомбардировщика, а затем - оторвавшейся от самолета тонной авиабомбы. Он прыгнул в ближайшую воронку и лежал, уверенный, что бомба падает прямо на него. «Я понимал, что наступили последние секунды моего существования на земле, и в эти последние секунды под ужасающий свист бомбы я не увидел, а как бы ощутил не только всю мою жизнь от самого рождения до смерти, но как бы соединился таинственным образом со всеми моими предками, как ближними, так и самыми отдаленными... Тесно прижавшись ко мне, стояли на коленях мои маленькие дети - Павлик и Женечка - и жена, которых я мучительно любил больше всего на свете и которых я видел последний раз в жизни...» Бомба взорвалась в стороне.

Из впечатлений Катаева о боях на Орловско-Курской дуге родился рассказ «Виадук». Бои за Орёл. Полевая жена генерала девушка Клава подала вареную гусятину и водку, но времени нет - генерал и гость поехали на передовую в сопровождении этой девушки и лейтенанта. «Дорогой лейтенант успел объяснить обстановку... По приказу Верховного Главнокомандующего, вся танковая часть должна быть переведена на тот берег и взять Золоторёво не позже 23.00, а переправа находилась под сильным воздействием немецкой артиллерии». Катаев, по рассказу, попал со всеми под сильный обстрел, в дожде помогал эвакуировать мирных жителей из трубы туннеля: «Я схватил за повод двух лошадей, жавшихся к стене, и выбежал вместе с ними».

Генерал спросил: есть ли у него оружие. Была «дрянь» - итальянский пистолет «Brevettato» и то без патронов.

«- Лейтенант, при первом удобном случае достаньте писателю приличный пистолет.

- Слушаюсь.

Лейтенант был очень вежливый молодой человек с утомленными глазами и сдержанным, тихим голосом... Вероятно, он был хороший сын и аккуратно писал матери».

Вскоре генерал, сбегав с насыпи, протянул рассказчику «какой-то красный пред-

мет, похожий на печень».

«- Что это?

- Пистолет, который я приказал для вас достать лейтенанту.

И он сунул мне в руку маленький пистолет в кобуре, сплошь залитой кровью.

- С убитого немца? - спросил я.

- Нет, это пистолет лейтенанта... Лейтенант убит... Возьмите, - сказал генерал решительно. - Выполощите кобуру в ручье, а свой «Бреветато» выкиньте.

Я некоторое время стоял, не зная, что делать, и держал перед собой окровавленную кобуру с пистолетом лейтенанта. Это все было как во сне. Потом я вынул из кобуры маленький, ладный, чистенький, хорошо смазанный маузер и выполоскал кобуру в ручье».

Когда вернулись с передовой к генеральской палатке, рассказчик увидел, что после авианалета «миска гусятины была вся засыпана черной, рыхлой землей».

По воспоминанию Павла, пистолет с простреленной кобурой лежал в Переделкине в ящике письменного стола и был для него привлекательной игрушкой. С войны Катаев привозил и осколки - разложив на столе, рассказывал историю каждого и о местах, где подобрал. На том же столе «мал мала меньше, точно матрешки» стояли и снарядики. Но от них, так же, как от пистолета, Катаев вскоре избавился - все-таки дома подрастал мальчишка...

Митрофан Иванович Зинькович, по катаевской характеристике, «неслыханной храбрости человек», погиб через несколько месяцев 23 сентября 1943 года у города Григоровка при форсировании Днепра и получил посмертно звание Героя Советского Союза.

«Я приехал в танковую армию от «Правды», как раз когда Зинькович должен был прорываться на Орел.

- Что же вы хотите? - спросил он напрямик.

- Я хочу видеть, как воюют, но только по-настоящему.

- Можем показать, - сказал он слегка иронически, - но не забудьте, на фронте часто убивают...

- За день, за два авось не убьют.

- Убивают и за две минуты.

И правда, тут же, почти что на глазах, погиб чудный молодой офицер - он был при нашем разговоре.

А дальше взяли переправу».

5 августа Орёл и Белгород были освобождены (в честь чего был дан первый салют во время войны).

Катаев лежал с генералом и боевым охранением в полевых зарослях «на велико-лепной орловской земле» под непрерывным минометным обстрелом и пулеметным огнем «мессершмиттов». Он рассказывал снарядившему его в командировку Ортенбергу, что риск был велик, но почему-то это не тревожило: «Первый раз, когда я не почувствовал особого страха - впереди никого из наших не было, а только... восемнадцать немецких танков».

А мины ложились на поле густо и близко, так что генерал в сердцах сказал:

- Ну, чего вас сюда принесло?

Но Катаев трезво и опытно оценивал вероятность смерти. Он писал 13 августа в «Красной звезде» в очерке «Во ржи»: «Немец бьет наугад, а все остальное уже дело случая... Все «безопасные» звуки, как бы громки они ни были, не задерживали на себе внимания, существовали где-то, как бы на втором плане. Все звуки «опасные» в свою очередь делились на просто опасные и смертельно опасные и в соответствии с этим занимали в сознании более или менее важное место».

И вот началась атака.

«- За родину, за Сталина! - крикнул чей-то хриплый голос.

И мы услышали протяжное, раскатистое «ура».

Грянули пулеметы, автоматы...

Неслись на запад немецкие грузовики, самоходные пушки, кухни, танки. В жизни я не видел более приятного зрелища!

...На душе было восхитительно легко. Я смотрел на потную рабочую спину генерал-майора, и почему-то мне вспомнилась «Война и мир» и Багратион, идущий по вспаханному полю, «как бы трудясь»».

Возвращаясь с фронта, Катаев купил у колхозницы бельевую корзину грибов - белые, подберезовики, грузди, маслята - которые с трудом увязал в шинель. Эти военные грибы он вспоминал всю жизнь.

Уже летом 43-го Эстер с детьми вернулась в Переделкино. В сентябре Катаев с ней и дочерью перебрался в Москву, а за городом оставили Павлика с бабушкой Анной и двоюродным братом Лёвой, чей отец погиб в начале войны в московском ополчении.

В начале июля Катаев принял участие в совещании в Союзе писателей «о юморе», где присутствовали и Эренбург, и Зощенко. О последнем Катаев говорил как об одном из моторов журнала «Крокодил» и призывал без оглядки смешивать смешное и страшное, легкомысленное и мужественное: «Я был на фронте под Сморгонью, как и Зощенко. Мы были между двумя очень серьезными боями. Человек начинает жарить анекдот невероятный - хохот стоит, все веселы, начинают танцевать, а потом в бой идут веселые».

Осенью он вернулся на дачу, оставив в Лаврушинском Эстер и Женю, которая пошла в первый класс. Помногу работал в своем кабинете на первом этаже, иногда выезжал в Москву и на фронт, и гулял по Переделкину с Павликом и Лёвой. Как-то на пе-

ределкинском поле они подобрались к зенитному орудью, которое вблизи оказалось муляжом.

Той же осенью Катаев на Калининском фронте. «Здесь русский город был», - писал он, оказавшись среди руин недавно освобожденного города Белого, через который лежали дороги на Смоленск, Вязьму, Ржев и Великие Луки.

Здесь думал я: ведь это вся Европа.
Сюда стащила свой железный лом,
Лишь для того чтоб в зарослях укропа
Он потонул, как в море золотом.
Кто приподнимет тайную завесу?
Кто прочитает правду на камнях?
...И две старушки маленьких из лесу
Несут малину в детских коробках.

Затем - под Духовщиной, где тогда шли тяжелые бои и стоял вражеский полк, командир которого приказал повесить Зою Космодемьянскую. Отсюда для «Красной звезды» был привезен очерк «В наступлении», там и тут вспыхивавший метафорами: «Беспрерывно впереди, в кустарнике раздаются маленькие взрывчики, как будто кто-то бьет электрические лампочки. Это разрывные пули... Автоматчики ведут пленных немцев. Их только что взяли. Мокрые, грязные, похожие на арестантов, бредут они, низко опустив головы в серых пилотках. И дождь вокруг них блестит стальной решеткой».

Здесь, на фронте Катаев встретил Шолохова. «Я не сразу узнал его. Пилотка, шинель, пистолет. Ничего похожего на знаменитого писателя. Скорее всего, это пехотный капитан. С небольшой группой товарищей он пробивался по лесу к командному пункту. Над лесом с шумом проносились немецкие пикирующие бомбардировщики. Изредка свистели бомбы, и лес был потрясен разрывом крупной фугаски. Падали ветки, сбитые осколками. Впереди заливались пулеметы. Шел бой. Мы встретились как будто вокруг не происходило ничего особенного...»

8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, избравший Патриарха - участников доставляли в столицу на военных самолетах. Вместо прежних гонений на духовенство власть начала возрождение религиозной жизни. В Ленинграде было возвращено двадцать ведущих топонимических названий

имперского времени (Советский проспект стал опять Суворовским и так далее). В официальных церковных документах, прошедших государственный контроль, стало встречаться наименование Москвы «Третий Рим». Катаев откликнулся на такие перемены стремительно. Уже в октябре 43-го в журнале «Красноармеец» появился прямо-таки до-революционный рассказ «Отец Василий». Немолодой священник с глазами «твердыми и прозрачными, как лед», словно бы срисованный со старика из повести «Отец», рассказывает, как служил в храме «под немцами» и о проповедях, которые произносил: «Я говорил моим прихожанам о святом Александре Невском, победителе немецких псоврыцарей на Чудском озере, я говорил им о Дмитрие Донском, победителе татар на поле Куликовом, я говорил о двенадцати языках, вторгшихся на нашу родину под знаменами Наполеона... И каждую службу я возносил молитвы о великом русском воинстве - о даровании ему победы и одоления над всеми его врагами и супостатами». Пономарем у отца Василия был партизан Никита Степанович, синеглазый, «с черепом лысым, как у апостола».

Валентин Катаев – военный корреспондент Калининский фронт 1943

Отметим здесь, что Михаил Кедров, третий, младший брат умученных святых – архиепископов Пахомия и Аверкия (троюродный брат Валентина Петровича), после революции оказавшись в Польше, избежал репрессий и в 1948 году в Елоховском Соборе был рукоположен Патриархом Алексием Симанским во Вроцлавского епископа для Польской Православной Церкви. Умер в 1951 году и похоронен в Белостоке.

В 43-м в «Новом мире» вышла странно отстраненная от войны, вливавшаяся в уютный мир досоветской Одессы повесть «Электрическая машина». Петя Бачей экономил на гимназических завтраках и получил сберкнижку с суммой вклада - три рубля. Он встретил на улице Гаврика - о, эти русские Том и Гек! они сняли деньги в Государственном казначействе с золотым орлом на фасаде и двумя портретами внутри - «царя в голубой ленте и царицы в жемчужном кокошнике» - и провели целый день в поисках страстно желанной таинственной «электрической машины»: если крутить ее ручку, загорится лампочка. В магазинах эта машина была отчаянно дорога, и в конце концов они купили «элементы Лекланше»: цинковые палочки и угольные пластинки, затем в аптеке - перекись марганца и пять фунтов нашатыря и кокс на угольном складе. Но дома весь мальчишеский пафос разбился о холодный скепсис Бачея-старшего:

- Лампочка не будет гореть... Слишком слабый ток...

Гаврик, поняв, что «это был обман, как и все в жизни», дал Пете в нос, за что получил в лоб.

Инженер-электронщик из Зеленограда Александр Трубицын обратил мое внимание на техническую сторону повести, меняющую ее смысл. Итак, Петя и Гаврик купили восемь элементов Лекланше. Напряжение каждого - полтора вольт. Следовательно, батарея из них дает двенадцать вольт, как современный автомобильный аккумулятор. Самая маленькая лампочка, которую вручил им приказчик «в виде премии», скорее всего именно 12-вольтовая. Емкость этих элементов, если судить по размерам, достаточно большая, т.е. лампочка могла светить долго. И если бы папа не был гуманитарием, он помог бы ребятам составить батарею, провести опыты, Петя со свойственным ему азартом блистал бы знаниями электричества и дома, и в гимназии. Вот в чем подлинный драматизм «Электрической машины». Счастье было рядом, но не был сделан последний шаг.

В 43-м же в «Новом мире» вышла уже цитированная мною катаевская повесть «Жена» о встрече на войне с молодой красивой женщиной по имени Нина (фабула была основана на рассказе жены летчика Морозова, который Катаев услышал по радио).

Инженер-технолог, чей металлургический завод эвакуирован в Куйбышев, она получила вызов из «штаба фронта» и едет на могилу мужа Андрея, командира истребительного авиационного полка. Она сидит ночью в траве на расстеленной шинели автора, вглядываясь в «дымноглубой столб» вдаль («немецкий прожектор из Орла светит») и рассказывает историю своей любви. При всем объяснимом героическом схематизме сюжета в повести есть то, что незаслуженно сделало ее малоизвестной (раскритиковали, вот и прошла мимо читателя) - человеческие чувства и переживания. Нина бесконечно возвращается мыслями в солнечный Крым, Севастополь, где они с Андреем полюбили друг друга и провели самые яркие дни: теперь муж убит, а Севастополь сдан... В повести есть просто превосходные страницы. А 21-я глава уж точно достойна включения в любую военную антологию: утреннее блуждание по подмосковному лесу в предчувствии катастрофы, две бегущие старухи в серых платках, нарастающая догадка, возникшая из самого воздуха, - все наложено на «Седьмую симфонию» Шостаковича, которого женщина слушает в исполнении эвакуированной труппы Большого театра, и одновременно, как в кино, проступает другая картина: наступление маленьких бодрых барабанщиков («безумная флейта осторожно, как шакал, шла за ними по слоистым пескам»). Тут, несомненно, Катаев - уже мовист. Даром что «в ложе правительства поднимался со своего места, отставляя бархатный стул, товарищ Вышинский».

И это не Нина, это Катаев в Куйбышеве, куда приезжал, навещая семью, и 5 марта 42-го слушал первое исполнение «Седьмой симфонии» в театре оперы и балета.

В повести есть психологически интересный эпизод с рабочим Волковым, «неприятным стариком с дурным характером». Его тоже поначалу принимаешь за врага: груб, харкает на пол, часто пахнет водкой, запорол аж пятьдесят тысяч деталей на неналаженном им станке. Читатель ждет уж рифмы - «вредитель», и Нина ее, конечно, выкрикивает. Но тут же замечает бессмысленные стеклянные глаза «браковщика», кричит иначе: «Вы просто пьяны, отойдите от станка!» После выясняется, что эта «диверсия» простительна, не заслуживает кары, надо вникнуть в беду человека и общими силами перекрыть недостачу: в Тульской области немцы убили всю его семью, включая внучку

Наташу пятнадцати лет...

«Жену» разругали. Например, в 44-м в журнале «Знамя» Берта Брайнина отмечала «отсутствие идейного стержня» в повести, особенно негодуя по поводу героини: «Трудно поверить, что такую бездумную овечку воспитала и вырастила наша действительность... Если автор хотел показать верную и крепкую любовь жены, то почему сразу после гибели мужа происходит столь быстрое сближение Нины Петровны с летчиком Петей, другом покойного? Читателю не совсем ясна и цель поездки Нины Петровны на фронт: то ли она едет на могилу мужа, то ли на свидание с Петей».

В марте Катаев побывал под Уманью во время перехода через болота армии Конева.

В марте же был свидетелем боев за город Кодыма.

Говорил ли он тогда в поезде, два года назад, Кирпотину о том, что не стал бы рисковать, как Петров, или нет, но в путевых молдавских заметках в «Красной звезде» все время едва ли не мистически показывал себя в сложных полетах, словно бы ожидая повторения судьбы брата... «После Умани неожиданно сильный снежный буран. Сквозь белые, газовые вихри с большим трудом находим аэродром. Когда приземляемся - вокруг уже ничего не видно». Перелет над Днестром. Сердцевина Молдавии. «Самолет идет на посадку. Но вдруг, не коснувшись земли, опять круто взмывает вверх». Наконец, Карпаты. «Мощный ветер ревет, как водопад» - это Катаев несется в штурмовике над Прутом.

С войсками 2-го Украинского фронта он наступал по тем районам Молдавии, где шел со своей батареей в Первую мировую. Пил винцо в хате, закусывая мамалыгой с брынзой. «Он прилетел самолетом, с одним блокнотом в кармане, пришел в нашу деревеньку, с доброй улыбкой спросил:

- Ну, как тут живем?» - вспоминал военкор Леонид Кудреватых.

В апреле 44-го советские войска вышли на рубежи крепко защищенного румынского города Яссы.

Тогда-то Катаев и попросился лететь на боевое задание. Он прибыл в 8-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию и, пообщавшись с отчаянными летчиками, обратился к командиру Владимиру Павловичу Шундрикову: посадите меня в штурмовик. Тот наотрез отказался - слишком опасно. Но в тот день по радио передали благодарность Сталина за форсирование реки Прут и непосредственно «летчикам подполковника Шундрикова». Вечером начали отмечать, и среди застолья Катаеву удалось заполучить у командира разрешение на полет.

Пришлось сдержать обещание.

- Стрелять умеете?

- Я ведь артиллерист...

- Что увидите в воздухе, стреляйте.

- А если это будут наши?

- Наших не будет.

Полетели брющим, на пятьдесят километров за линией фронта...

Кудреватых писал: «Валентин Катаев на самолете-штурмовике занял место стрелка, место в хвосте самолета, ничем и никем не прикрытое, продуваемое и простреливаемое со всех сторон. И слетал в роли стрелка на этом самолете на вражеские позиции, исполнил все положенные стрелку обязанности. А когда самолет, к счастью, успешно

вернулся на свой аэродром, Валентин Катаев пересел на другую машину и улетел в Москву».

По горячим следам Катаев отчитывался так: «Я опускаю над собой прозрачный колпак и крепко его привинчиваю. Я сижу - глубоко и удобно - на широком брезентовом ремне, подвешенном между двумя бортами штурмовика против пулемета, обращенного назад».

Спустя двадцать лет он рассказывал: «Сверху, из самолета, я видел дороги, бегущие обозы фашистов, панику, горящие Яссы и аистов, которые летели на нашем уровне. Спокойно, как веслами, махали своими крыльями, белые с черным. Возвращались на родину».

«Я сидел на заднем сиденье спиной к спине летчика и, прижав к плечу приклад крупнокалиберного пулемета, всматривался в облачное небо ранней весны», - вспоминал он через тридцать лет.

2 мая 44-го в «Правде» появилась его миниатюра «Кузнец». «Славные советские конники» преследовали немцев и румын. Но остановились: стерлись и сбились подковы. Тогда, как из-под земли, возник старец-молдаванин, когда-то кузнец, ныне похожий на мертвеца, показал нехитрые инструменты - щипцы, молот, меха, «выкопал в земле маленький первобытный горн» и начал ковать... Конники полетели снова вперед. «Туманное солнце и нежная апрельская лазурь мигали в зеркальных клинках».

10 апреля 1944 года советские войска освободили Одессу.

В августе во время Яско-Кишиневской операции была разгромлена Румыния.

А вот какие стихи сочинял Катаев в том году в Переделкине:

За стволы трухлявых сосен

Зацепившись вверх ногами,

Разговаривали дятлы

По лесному телеграфу.

- Тук-тук-тук,

- один промолвил.

- Тук-тук-тук,

- другой ответил.

- Как живёте? Как здоровье?

- Ничего себе. Спасибо.

- Что хорошенького слышно

У писателя на даче?

- Сам писатель кончил повесть.

- Вам понравилась? - Не очень.

- Почему же?

- Слишком мало

В ней о дятлах говорится.

- Да, ужасно нынче пишут

Пожилые беллетристы.

- А писательские дети?

- Всё по-прежнему, конечно:

Павлик мучает котёнка

И рисует генералов.

- А Евгения?

- Представьте,

С ней несчастье приключилось:

Нахватала в школе двоек

И от горя захворала.

Но теперь уже здорова,

Так что даже очень скоро

Вместе с мамою на дачу

На каникулы приедет.

Это для своих.

А вообще для детей в том же 44-м вышла книжечка «Бочка», состоящая из одного стихотворения, основанного на военном анекдоте:

Окопы немцев под горой,

А наши - на горе,

И вот мы занялись «игрой»

Однажды в январе.

Бойцы скатили с горы бочку с камнями, после чего перестреляли любопытных фашистов. На следующий день, когда наученные горьким опытом фашисты затаились, бочка с толом беспрепятственно докатилась до них и взорвалась.

16 сентября 44-го в газете «Литература и искусство» поэт Надежда Павлович недоумевала: «Война - не игра, не забава, и не стоит воспитывать в малышах такое представление о ней».

Тогда же под раздачу попал Корней Чуковский. Он написал стихотворение-сказку «Одолеем Бармалея», поначалу расхваленную, но в последний момент вычеркнутую из антологии советской поэзии лично Сталиным (немедля «Правда» назвала сказку «пошлой и вредной стряпней»). К слову, и сам Чуковский никогда не переиздавал эту странную, отдающую живодерством вещь. Звери политизированы и поделены на классово-правильных и неправильных. Они мучают и убивают друг друга, хорош и смельчак Ваня Васильчиков:

И всадил он Каракуле

Между глаз четыре пули...

Но взмахнул он что есть силы,

Острой саблей раз и два,

И от бешеной гориллы

Отлетела голова.

И, как бомба, над болотом

Полетела к бегемотам,

Изувечила хорьков,

Искалечила волков...

Ненавистного пирата

Расстрелять из автомата

Немедленно!

Не сомневаюсь в читательской искренности Катаева, сказавшего (по воспоминанию Кирпотина) на президиуме СП соседу по Переделкину, с которым оставался и впредь в приятельских отношениях: «Ваша сказка «Одолеем Бармалея» - дрянь!»

7. Эстер и эстет

Михаил Ардов записал со слов отца, что как-то в 1930-е годы Катаев и Олеша, «знаменитые и богатые», на улице Горького познакомились с двумя барышнями и пригласили их в ресторан «Арагви».

«Там обоих писателей прекрасно знали, приняли с почетом и предоставили отдельный кабинет. Они заказали шампанского и ананасов. Катаев вылил две бутылки шипучего в хрустальную вазу и стал резать туда ананасы.

Одна из барышень сделала ему замечание:

- Что же это вы хулиганничаете? Что же это вы кабачки в вино крошите?..»

Кто была эта барышня, неизвестно - во всяком случае, не Эстер, ставшая вскоре новой, третьей женой Катаева. Она была моложе его на 16 лет и прожила с ним большую жизнь.

По версии, которой придерживалась она сама, с будущим мужем свела общая приятельница по имени Мира, танцовщица, хореограф из Риги. Катаев в центре Москвы столкнулся с двумя дамами - знакомой ему Мирой и прелестной незнакомкой. И сразу влюбился.

«Увидев меня впервые, он сказал: «Мира, ты посмотри, какой ребенок идет. Она же прозрачная». Мы стали встречаться, но я долго не понимала, что могу его полюбить. Однажды я опоздала на свидание и сказала, что задержалась из-за мамы. Валя посмотрел на меня: «Какая же ты счастливая! А у меня мамы нет с шести лет». Он принялся рассказывать и довел меня до слез. С того момента у меня появилось к нему какое-то особое отношение, и оно сохранилось вплоть до сегодняшнего дня».

В другом интервью Эстер говорила: «Он был весь не отсюда... Он был необыкновенно красив, рыцарствен, галантен, а главное - в каждую минуту интересен. Мы познакомились почти случайно: у моей подруги был роман с Кольцовым, а Катаев с ним дружил еще с двадцатых. Была назначена какая-то встреча, и когда я еще только подходила к ним, он - сам мне потом про это рассказывал - неожиданно для себя сказал: «Вот бы мне такую жену!»».

Эстер родилась в Париже 21 октября 1913 года.

Отец ее, Давид Павлович Бреннер, родился в польском Люблине. Шил шапки, нашел работу в типографии, которая оказалась революционной. Стал бундовцем, то есть членом еврейской социалистической партии. С пачкой листовок явился в армейскую казарму у себя в городе, был арестован, оказался в Москве, в Бутырской тюрьме, откуда этапом отправили в Сибирь. А в Сибири, в городе Тобольске жила Анна Михайловна Эккельман, девушка из богатой купеческой семьи, чуткая и жалостливая, особенно к каторжанам. «Я в Бога не верю, - говорила она в старости внуку Паве. - Помню, я маленькой девочкой смотрела, как по городу ведут кандалных. Последний не мог идти, все время спотыкался и наконец упал. И тогда солдат-конвоир подскочил к нему и ударил ружьем. Я была потрясена, что это возможно и ничего нельзя поделать, и прошептала: «Боже, ты дурак!» Мне стало страшно, что Бог должен меня за это сурово покарать. Дома я даже спряталась под стол. Но Бог ничего не ответил. И я потеряла веру навсегда». И вот Анна познакомилась с ссыльным Давидом. Они поженились, родилась дочка Лена. Но Давид, которому нельзя было покидать этих мест, стремился прочь из Сибири. Отец Анны помогал ссыльным бежать, добывая им и, как тогда говорили, «выправляя» паспорта. Давид вернулся в Польшу, вскоре и Анна с двухлетней дочкой последовала за

ним - по приграничным тропкам они перебрались в Австро-Венгрию, достигли Франции и поселились в Париже.

Там в 1913 году в бедном квартале на улице Риволи у них родилась вторая дочь Эстер.

Началась мировая война, огонь приближался к Парижу, и Бреннеры переехали в Лондон, где родилась их третья дочь Миля.

В России - революция. Теперь то, за что Давида преследовали, стало доблестью. В начале 1920-х годов семья приплыла на пароходе в Петроград. На поезде, где их ограбили, добрались до Москвы. Бреннерам дали одну на всех комнату в коммуналке (бывшей барской квартире) на Малой Дмитровке. Жилось бедно и трудно, и по-прежнему мечтательная Анна решила отправиться в Тобольск, в уже разлетевшееся домашнее гнездо, где, как ей казалось, спрятан клад. Она проехала через одичалую страну и никакого клада не нашла... Давид по настроениям был близок к внутривластной оппозиции, Сталина не любил и почему-то называл «Соленый».

Бреннеры подумывали о возвращении в Париж и связались с представителями Франции в Москве. Французы разрешили Анне и детям приехать, но революционера Давида видеть на своей земле не хотели. Впрочем, в дальнейшем семья все же могла с ним соединиться, отправив ему приглашение. У Давида было больное сердце, и Анна не согласилась на разлуку и неопределенность.

Юная Эстер гуляла по Москве. Она пыталась подрабатывать как чертежница, шить, вязать. Говорила с английским акцентом и многие русские слова произносила с неправильными ударениями. (Всю жизнь она будет с удовольствием читать романы на английском и спустя годы восхищать гостей Катаева - англичан, например поэта и прозаика Ричарда Олдингтона, своим чистопородным староанглийским произношением.)

Жена писателя Никулина актриса Екатерина Рогожина рассказывала, что Катаев встретил Эстер не на улице, а в «Метрополе»: там она танцевала, в том числе с иностранцами. Про иностранцев и Эстер сплетен в литературной Москве ходило немало, но я повторять их не стану. Замечу лишь, в семейном предании остался след ее романа с итальянским инженером Марио, который писал ей письма даже в 1970-е годы, а «миниатюрная блондинка» Ноэми (прототип Эстер) в романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» ходит в рестораны с японцем.

В «Алмазном венце» Катаев откровенно называл идеал своей молодости, «высший тип женщины»: ослепительная и порочная, «красавица, преимущественно блондинка». Чтобы владеть такой, нужно иметь много денег. «Стройная, длинноногая, в серебряных туфельках, накрашенная, напудренная, поражающая длиной загнутых ресниц, за решеткой которых наркотически блестят глаза... Ее можно видеть в «Метрополе» вечером. Она танцует танго, фокстрот или тустеп с одним из своих богатых поклонников вокруг ресторанного бассейна... В начале вечера она недоступна и холодна, как мрамор, а в конце нечаянно напивается, падает в бассейн, а два ее кавалера в смокингах с помощью метрдотеля, тоже в смокинге, под руки волокут ее к выходу, причем она хохочет, рыдает, с ее ресниц течет черная краска и шлейф крепдешинового платья оставляет на паркете длинный след, как от мокрого веника».

Катаев был очарован хрупкой зеленоглазой светловолосой феей с нежными чертами лица: «Посмотрите, какой у нее носик! Какая воздушная!» - «Она просто очень плохо питается», - отвечала Рогожина. (Кстати, Эстер не была природной блондинкой,

всю жизнь красила волосы. «Я не знаю, какого ты цвета», - подшучивал Катаев.) Фея, носившая элегантную заграничную одежду, не говорила возлюбленному, в каких условиях живет. Однажды Рогожина пришла в ту самую коммунальную квартиру на Малой Дмитровке. Эстер лежала в кровати, тяжело больная. Рогожина бросилась за Катаевым, он закутал возлюбленную, унес в автомобиль, отвез в больницу. «Какой флакон духов? Ей нужны фрукты, мясо!» - восклицала актриса. Валентин и Эстер (или, как он называл ее, Эста) стали жить вместе.

Расписались в 1935 году. Ему было тридцать восемь, а ей двадцать один.

Катаев жил, как в своей последующей повести, где с особой интонацией, точно о небожителях, говорилось об «особых людях» - «богатых», которые «каждый день могли ходить в театр, обедали почему-то в семь часов вечера, держали вместо кухарки повара». Теперь частью этой жизни стала красавица Эста.

Здесь же замечу, что судьбы ее сестер сложились не так сладко. Лена, учившаяся в школе танцев у Айседоры Дункан и мечтавшая уехать с ней на гастроли, стала продавщицей. Совсем непросто жилось Миле. Давида Бреннера в 1930-е годы лишили пенсии, но близкие от него это скрывали, и Катаев передавал ему деньги через Эстер. Умер он перед войной. Анна Михайловна часто гостила у дочери в переделкинском доме («Фадеев, сибиряк, любил поболтать с моей мамой, сибирячкой», - вспоминала Эстер). В 1966 году совсем старая Анна попала под машину.

В первые дни совместной жизни Катаев сказал: «Сначала роди мне дочь, а потом - кого хочешь!» Так и получилось.

Елена Левина, дочь писателя Бориса Левина, который в начале 1930-х годов вместе с Ильфом и Петровым приобрел дачу на станции Клязьма у Михаила Кольцова, вспоминала, что летом 1935-го там часто бывали Катаев и Эстер. Эстер ей очень нравилась: «Светловолосая, хрупкая красавица с зеленоватыми, чуть раскосыми глазами, всегда улыбалась. Я от нее не отходила, рассматривала ее голубое колечко. Через какое-то время она потолстела, и я в недоумении толкала ее кулачком в живот: «Эстерка, почему ты такая?» Она только смеялась. Через некоторое время она родила девочку. На радостях Катаев подарил Петьке (племяннику) велосипед: черный, лакированный, с кожаным седлом и педалями, как каучуковые подошвы. Потрясающий».

«Пишущая машинка «Ремингтон» пришла в квартиру на Тверской вместе с мамой, - сообщает Павел Катаев. - Отец сидел за письменным столом перед пишущей машинкой... и прицельно бил пальцем... А тем временем мама, расположившись в кресле неподалеку, ловко работала спицами, готовя своему первенцу приданое. Нет, действительно, это было самое счастливое время их жизни!»

20 апреля 1936 года у него родилась дочь.

Он дал дочери имя Евгения в честь своей любимой матери...

В ноябре 1936-го в «Правде» появился катаевский рассказ «Цветы», в котором отец с нежностью оглядывал семейство.

«Хозяйка дома вышла из-за стола и вернулась к гостям, держа на руках шестимесячную девочку в длинном, голубом байковом платице с круглым воротником. Девочка сидела на ладони, живо поворачивая во все стороны головку, овальную, как дынька. Темные подсолнушки глаз весело смотрели во все стороны».

Рассказчик вспоминал апрельский рассвет, роддом и свое волнение - «паля папиросу за папиросой, я ходил под лестницей, не в состоянии найти себе место... Я был гораздо

беспомощней и беззащитней, чем жена». Он устремился в город: «О, этот план у меня уже был готов давно: на все деньги - цветов и завалить всю квартиру! Пускай моя дочь (нет, каковы слова – «моя дочь!» Как это волшебнo звучит!), пускай же моя дочь лежит в своей маленькой кроватке среди цветов, как сказочный мальчик-с-пальчик в атласной чашечке розы!» Дочка родилась, но в роддом пока не пускали.

«Днем я томился у телефона, дожидаясь звонка «оттуда». Звонок раздавался, и я слышал слабый голос жены, которая спрашивала, как я себя чувствую и не забываю ли я есть на ночь простоквашу.

- А ты, ты как себя чувствуешь? - кричал я в горячую трубку: - Как наша дочка?»

Рассказчик бродил по улицам, готовившимся к Первомаю: «И отовсюду на меня смотрело мужественное лицо Сталина, прижимающего к груди черноглазую, веселую девчущку с букетом в руках». Когда пришло время ехать в роддом, все цветы из магазинов празднично смели, но это не страшно - «большие, шумные пчелы самолетов кружились над первомайской розой Москвы»: «Слезы выступили у меня на глазах, когда я увидел похудевшую жену с оживленно блестящими глазами, которая протянула мне нечто завернутое в голубое вязаное одеяльце. Я стал целовать милые, худые руки, в то же время пытаюсь заглянуть в одеяльце.

- Тише. Ты с ума сошел, - сказала жена. - Она спит. Она простудится. Дома посмотришь.

Мы поехали домой. По дороге я все же приподнял край одеяльца и увидел беленький нос величиной не больше горошины».

«Мой первый синенький «фордик» в подарок по случаю рождения дочери привез из Америки Женя Петров», - рассказывала Эстер, хорошо водившая машину.

Эту машину приобрели на катаевские заграничные гонорары.

Дочь Валентин Петрович обожал. Маленькая Женя стала прототипом героинь сказок «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик». Дочь Евгения подарила родителям первую и единственную внучку Валентину.

8. Семейный фотоальбом

В. Катаев

В. Катаев

Катаев В. с семьей после окончания войны

Катаев в В. с женой и детьми, 1940

Катаев В. с дочерью Евгенией 1946 г.

Катаев В. с сыном Павлом 1946 г.

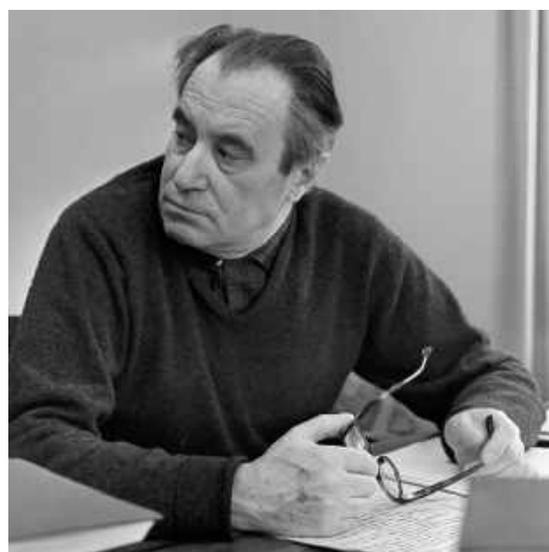
В.П. Катаев с дочерью

Катаев В. П. с любимой женой Эстой
и дочерью Евгенией

Валентин Петрович с женой, сыном, дочерью и
внучкой

Валентин Петрович за работой

В. Катаев 1967. Г. Париж

В Перedelкино

9. «Настоящий сталинский человек»

У Катаева был огромный дар приспособления. Это понятное желание при любом повороте совпадать с модой, потакать литературным вкусам, совпадать с тенденциями времени. Надежда Мандельштам вспоминала, что именно Катаев встретил их после воронежской ссылки, влюбленными глазами смотрел на Осипа Эмильевича, принимал в новом писательском доме с парадным из мрамора-лабрадора, поразившем воображение писателей, еще помнивших бедствия революции и гражданской войны, угощал, вытаскивая из привезенного из Америки холодильника, деликатесами: новым для Москвы испанским вином и новыми апельсинами - они появились в продаже впервые после революции.

«В новой квартире у Катаева все было новое - новая жена, новый ребенок, новые деньги и новая мебель. «Я люблю модерн», - зажмурившись говорил Катаев, а этажом ниже Федин любил красное дерево целыми гарнитурами. Писатели обезумели от денег, потому что они были не только новые, но и внове.... Вспоминала старое изречение Никулина, которое уже перестало смешить меня: «Мы не Достоевские - нам лишь бы деньги»... Когда мы покидали Москву, писатели еще не были привилегированным сословием, а сейчас они пускали корни и обдумывали, как бы им сохранить свои привилегии. Катаев поделился с нами своим планом: «Сейчас надо писать Вальтер-Скотта»... Это был не самый легкий путь - для него требовались и трудоспособность, и талант. Жители нового дома с мраморным, из Лабрадора, подъездом понимали значение 37 года лучше, чем мы, потому что видели обе стороны процесса. Происходило нечто похожее на Страшный суд, когда одних топчут черти, а другим поют хвалу. Вкусивший райского питья не захочет в преисподнюю. Да и кому туда хочется? ... Поэтому они постановили на семейных и дружественных собраниях, что к 37-му надо приспособливаться. «Валя - настоящий сталинский человек», - говорила новая жена Катаева, Эстер, которая в родительском доме успела испробовать, как живет отверженным. И сам Катаев, тоже умудренный ранним опытом, уже давно повторял: «Не хочу неприятностей... Лишь бы не рассердить начальство»... О. М. хорошо относился к Катаеву: «В нем есть настоящий бандитский шик», - говорил он. К концу двадцатых годов - с первыми успехами - у всех прозаиков моей юности, кроме Тынянова и Зоценко, начало прорываться нечто грязно-беллетристическое, кондовое... У Катаева эта метаморфоза, благодаря его талантливости и цинизму, приняла особо яркую форму – пишет Надежда Мандельштам.

Он дожил почти до девяноста. Умер через год после начала Перестройки. Успел поучаствовать в первых перестроечных писательских сходках, где говорил, что надо печатать и прозу, которая нам не всегда понятна или не совсем совпадает с нашими вкусами, как печатаем авангардистскую поэзию, для разнообразия.

В последние годы он работал уже на посмертную репутацию, создавая яркие на общем фоне соцреалистической литературы книги мовистской прозы «Алмазный мой венец», «Трава забвения», «Святой колодец», «Уже написан Вертер». Человек писавший много. Писавший по-разному. Всегда очень добротен. Но никогда не преодолевший некоего порога гениальности. Хотя многократно приближавшийся к нему с разных сторон. Он был дружен с великими, считался одним из них, надеялся, что после смерти будет причислен к тому пантеону, где пребывали описанные им знакомые: командор Маяковский, королевич Есенин, мулат Пастернак, щелкунчик Мандельштам, ключик Олеша.

Судя по его книгам, он сам был уверен, что для того чтобы встать на постаменте и в официальной табели о рангах вместе с ними, ему остается только умереть.

Но сразу же после его смерти началась совершенно другая эпоха, с грандиозной переоценкой ценностей. И Катаеву, может быть, повезло, что он до неё не дожил.

10. Хобби В. П. Катаева

Валентин Катаев имел необычную коллекцию головных уборов различных людей. Каждый из них имел свою уникальную историю, которую знал писатель. Головные уборы, собранные Валентином Петровичем принадлежали советским лётчикам, русским водителям, разных известных личностей из художественного, музыкального искусства, а также артистов и писателей. В коллекции хранились головные уборы бездомных детей 20-х годов. Увлечения человека всегда являются отражением их внутреннего состояния. Так как писатели являются творческими натурами, то соответственно и хобби они выбирают неординарное, а иногда даже невообразимое другими людьми.

11. Последние годы. Болезнь и смерть

Под конец жизни Валентин Петрович собрал разрозненные записи своих стихов и переписал их от руки, в итоге у него получилось семь блокнотов. При жизни писателя не было издано ни одного его стихотворного сборника. По словам сына, Катаев не очень к этому и стремился. Его последнее произведение «Сухой Лиман» осталось незамеченным ни читателями, ни критиками.

В конце жизни Валентин Петрович перенёс операцию по удалению раковой опухоли:

...Спокойно за свою жизнь, хотя и с нескрываемым восхищением работой хирурга, он рассказывал о тяжёлой операции, которую пережил на пороге старости. Раковую опухоль вырезали, но возникла проблема - хватит ли оставшейся здоровой ткани для того, чтобы шов не разошёлся. Ткани хватило. Отец в лицах передавал разговор двух хирургов, спорящих по его поводу: расплзётся шов или не расплзётся. И восторгался филигранной работой оперирующего хирурга, решительной и умелой женщины, участницы войны, которая осталась его доброй знакомой до конца жизни.

Валентин Петрович Катаев умер 12 апреля 1986 года, на 90-м году жизни. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Могила В. П. Катаева
на Новодевичьем кладбище Москвы

12. Материалы о В. П. Катаеве с канала YouTube

1. Встреча с Валентином Катаевым в Останкино, 1978 Часть I
<https://www.youtube.com/watch?v=LYf9PLqeAWA>
2. Встреча с Валентином Катаевым в Останкино. Часть II.
https://www.youtube.com/watch?v=N5_EQHAvHno
3. Валентин Катаев «Страницы творчества (1985 г., документальный фильм)
<https://www.youtube.com/watch?v=OzxdQUDBnDQ>
4. Валентин Катаев документальный фильм
<https://www.youtube.com/watch?v=Fpxh9MP1teI>
5. Лекция Сергея Шаргунова «Валентин Катаев - погоня за вечной весной»
<https://www.youtube.com/watch?v=-Eso6xUWG9g>

II. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В. КАТАЕВА

1. Литературные произведения В. Катаева

Валентин Петрович Катаев начал свое творчество в печати в 1910 году. В 1920-е писал рассказы о гражданской войне и сатирические рассказы.

Начинающий писатель В. Катаев

Вслед за старшим братом покорять Москву приехал и Катаев-младший, которого Валентин Петрович стал вовлекать в писательскую среду. «Каждый интеллигентный, грамотный человек может что-нибудь написать», - говорил он. Примечательно, что, напутствуя брата, Катаев инициирует написание авантюрного романа «Двенадцать стульев» о спрятанных во время революции бриллиантах. Идеей он делится с Евгением и другом Ильей Ильфом, приглашая их написать черновик романа, который бы потом сам усовершенствовал и продвинул к публикации.

Илья Ильф и Евгений Петров

Что из этого вышло, уже общеизвестно. Ильф и Петров (Евгений взял псевдоним по имени отца) блестяще справились с задачей без наставничества. Написанный роман разошелся на цитаты, а в благодарность за идею издан с посвящением Валентину Катаеву.

С 1923 года сотрудничал в газете «Гудок», журнале «Крокодил» и других периодических изданиях. Повесть «Растратчики» (1926; одноимённая пьеса, 1928), комедия «Квадратура круга» (1928) посвящены борьбе с мещанством. Удача действительно улыбалась молодому писателю. Его талант, наконец, признан в столице. Публикация повести «Квадратура круга», которая была поставлена на нью-йоркском Бродвее.

Автор романа «Время, вперёд!» (1932; экранизация, 1965). Роман впервые опубликованный в январско-октябрьских (№ 1-10) номерах журнала «Красная новь» за 1932 год. Она вышла отдельным изданием в 1933 году.

К детской теме Катаев обращался еще в довоенные годы. Повесть «Белеет парус одинокий», в которой автор погружается в атмосферу родной Одессы. В героях Пете и Павлике, которые вовлечены в круговорот приключений на фоне разрушенного революцией 1905 года города, угадываются черты самого Катаева и его брата Жени. Также повесть «Белеет парус одинокий» входила в школьную программу советского времени (1936; экранизация, 1937).

В качестве названия взята первая строка стихотворения Михаила Лермонтова «Парус».

Обложка первого издания повести 1936

До 1986 года повесть «Белеет парус одинокий» издавалась в СССР 121 раз и была переведена на 34 языка. Общий тираж составил 7,955 миллиона экземпляров.

Повесть «Белеет парус одинокий» входит в эпопею позднее названную «Волны Чёрного моря».

Небольшая по объёму повесть «Я, сын трудового народа...» (1937) рассказывала о трагической истории, которая произошла в одном из украинских сёл во время гражданской войны. Повесть была издана, экранизирована, на её основе была написана пьеса «Шёл солдат с фронта», которая ставилась в Театре имени Е. Б. Вахтангова и на других сценах страны.

В 1940 г. были написаны и опубликованы сказки «Дудочка и кувшинчик» и «Цветик-семицветик». «Написал сказку «Цветик-семицветик», думая о том, как надо жалеть людей. Написал, узнав, что умер светлый и талантливый человек - Борис Левин (погибший на финской войне писатель)».

Валентину Петровичу суждено было пройти три войны. В годы Второй мировой

он вновь надел военную форму и отправился на передовую. Работал фронтовым корреспондентом, писал очерки, статьи, фотографировал. Известным произведением того времени стала повесть «Сын полка» (1945): образ главного героя Вани Солнцева олицетворяет трагические судьбы многих детей в годы войны.

После войны продолжил «Белеет парус одинокий» повестями «За власть Советов» (1948; другое название «Катакомбы», 1951; одноимённый фильм - 1956), «Хуторок в степи» (1956; экранизация, 1970), «Зимний ветер» (1960 - 1961), образующими тетралогию с идеей преемственности революционных традиций. Позднее все четыре произведения («Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Зимний ветер» и «За власть Советов» («Катакомбы») выходили как единая эпопея «Волны Черного моря», также экранизированная в виде сериала.

В апреле-июле 1964 года принял участие в написании коллективного детективного романа «Смеётся тот, кто смеётся», опубликованного в газете «Неделя». Советский коллективный роман, юмористический детектив, авторами которого стали девять писателей. 1964 года. В 2010 году вышел отдельным изданием в издательстве «Эксмо» с предисловием Владимира Войновича.

В. Катаев за работой

Автор публицистической повести «Маленькая железная дверь в стене» (1964). Начиная с этого произведения, сменил писательскую манеру и тематику. Свой новый стиль назвал «мовизмом» неявно противопоставляя его гладкописи официальной советской литературы.

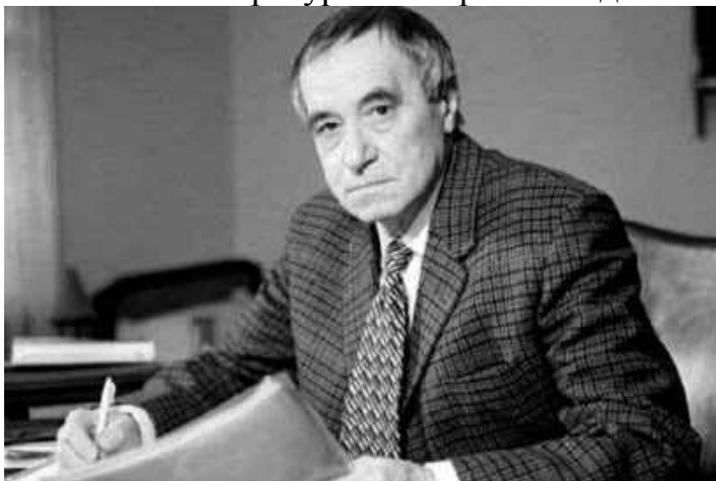
В этой манере написаны лирико-философские мемуарные повести «Святой колодец» (1966). Удивительно: вопреки цензуре - «Святой колодец» вышел в майском «Новом мире» 1966 года. Может быть, потому, что цензура дернулась чересчур поздно? Всего вернее, оказался сильнее покровитель Катаева - Михаил Сулов.

«Трава забвенья» (1967), многолетний заместитель Твардовского, вспоминал, что поначалу Александр Трифонович вообще не хотел брать повесть, пришлось его «перебороть». Да, взаимная неприязнь сохранялась и понимание литературы у них было

слишком разным, но думается, особо «перебарывать» не требовалось, ведь уже в декабре 1967 года Твардовский выдвинул Катаева на соискание Государственной премии СССР за «Траву забвенья», сказав: «Пусть видят, что настоящее печаталось у нас».

«Кубик» (1969), «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» (1972), «Кладбище в Скулянах» (1974), повесть «Уже написан Вертер» (1979), «Юношеский роман моего старого друга Саши Пчёлкина, рассказанный им самим» (1982), «Сухой лиман» (1984), «Спящий» (1985).

Роман «Алмазный мой венец» (1978) критики открыто назвали мемуарным. Сам писатель с такой трактовкой не был согласен и даже отказался от жанрового определения романа. Широкий резонанс и обильные комментарии вызвал этот роман. В нем Катаев вспоминает о жизни литературной богемы 1920-х годов. «Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях», при реальной основе сюжета герои, а это известные писатели и поэты - современники автора, завуалированы псевдонимами-масками - говорил он. Катаев работает над книгой в 1975-77 годах, а описываемые события относят читателя в литературный мир 20-х годов.

В 1980 году в июньском номере «Нового мира» была опубликована с санкции покровительствовавшего Катаеву секретаря ЦК КПСС М. А. Сулова его «антисоветская» повесть «Уже написан Вертер», которая вызвала большой скандал. В ней он открыл тайну о своём участии в белом движении и аресте. 2 сентября 1980 года председатель КГБ Юрий Андропов направил в ЦК КПСС записку, оценив повесть как политически вредное произведение, которое «в неверном свете представляет роль ВЧК как инструмента партии в борьбе против контрреволюции». Результатом стал запрет на упоминание повести в печати.

Произведения Катаева неоднократно переводились на иностранные языки.

2. Аудиокниги по произведениям Катаева с канала YouTube

1. Аудиокнига «Святой колодец» Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=Pskz5Ma8TVM>
2. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 1/10 Валентин Катаев
https://www.youtube.com/watch?v=SH_wxK_-eZc
3. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 2/10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=SOs6j3qGIjk>
4. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 3/10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=gNfQYyPfpuy>
5. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 4/10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=Mb0J0QaREmc>
6. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 5/10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=bIDZAXXVN6Y>
7. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 6/10 Валентин Катаев
https://www.youtube.com/watch?v=E170UnM_hPU
8. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 7/10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=F4Yr4HRKmKY>
9. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 8/10 Валентин Катаев
https://www.youtube.com/watch?v=_KTcW4IINks
10. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 9/10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=-3tEy1jWOOO>
11. Аудиокнига «Алмазный мой венец» часть 10 Валентин Катаев
<https://www.youtube.com/watch?v=fPyzHPcRIVI&list=RDgNfQYyPfpuy&index=6>
12. Аудиокнига «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев.
Передача 1. Читает Олег Табаков
<https://www.youtube.com/watch?v=hTrQQo3Jchs>
13. Аудиокнига «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев.
Передача 2. Читает Олег Табаков
<https://www.youtube.com/watch?v=7ahcK6ZOIF8>
14. Аудиокнига «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев.
Передача 3. Читает Олег Табаков
<https://www.youtube.com/watch?v=fUIXg24K-h0>
15. Аудиокнига «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев.
Передача 4. Читает Олег Табаков
<https://www.youtube.com/watch?v=v7NQrRoeHUG>
16. Аудиокнига «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев.
Передача 5. Читает Олег Табаков
<https://www.youtube.com/watch?v=stNNTVh5n-E>

3. Поэзия

Начав как поэт, Катаев всю жизнь оставался тонким ценителем поэзии. Некоторые его прозаические произведения названы строками из стихотворений русских поэтов: «Белеет парус одинокий» (М. Ю. Лермонтова), «Время, вперёд!» (В. В. Маяковского), «Уже написан Вертер» (Б. Л. Пастернака). Его вдова Э. Д. Катаева вспоминала:

Он долго продолжал писать стихи и в душе, думаю, считал себя поэтом, - и Асеев, и сам Мандельштам относились к нему именно так.

В конце жизни Катаев собрал все свои сохранившиеся стихотворения и переписал от руки в семь блокнотов. Ни одного стихотворного сборника у Катаева никогда не вышло. «Может быть, он и не очень-то сильно стремился к этому», - заметил по этому поводу его сын и добавил:

Во всяком случае, однажды он высказался в том смысле, что в окружении плеяды сильных поэтов, рождённых в двадцатом веке в России, можно и не заниматься поэзией.

Поэтические сборники отец не выпускал, стихотворения не печатал, но поэтом остался.

В последнее время значение Катаева-поэта пересматривается. Так, поэт и исследователь жизни и творчества Катаева Александр Немировский включает Валентина Катаева во вторую десятку самых главных для себя русских поэтов XX века.

4. Драматический театр

Вот что говорит сын Катаева о пьесах отца:

Отец не считал себя драматургом говорит сын Катаева о пьесах отца, хотя количество пьес, написанных им и поставленных в театрах страны и мира, хватило бы на судьбу успешного драматического писателя, который, кроме создания пьес, ничем другим не занимался бы.

Судьбы некоторых пьес отца не представляют особого интереса. То есть он сочинял пьесу, предлагал театру, там её ставили, она выдерживала какое-то количество представлений, допустим, сто или двести, после чего благополучно умирала, не оставив после себя заметного следа.

Три ведущих драматурга МХАТа:
Валентин Катаев, Юрий Олеша, Михаил Булгаков. 1931

- 1927 - «Растратчики» - Московский Художественный театр, постановка К. С. Станиславского. 16 ноября в Театре Мюзикла состоится премьера спектакля «Растратчики» по мотивам повести Валентина Катаева. Постановка о том, что деньги - не главное, что можно быть богатым, но несчастливым.
- 1928 - «Квадратура круга» - Московский Художественный театр, постановка Н. М. Горчакова под руководством В. И. Немировича-Данченко. Академический русский драматический театр Узбекистана, постановка Т. М. Шарафутдинова (2014). Пьеса по сей день ставится в театрах России, Европы и Америки
- 1934 - «Дорога цветов» - Московский Современный театр
- 1940 - «Домик» - Театр Комедии, постановка Н. П. Акимова. Спектакль был запрещён; в 1972 году восстановлен режиссёром А. А. Белинским
<https://www.youtube.com/watch?v=h1lPTpuOo2w>
- 1940 - «Шёл солдат с фронта» - Театр Вахтангова
- 1942 - «Синий платочек» - театр
- 1948 - «День отдыха» («Где вы, месье Миуссов?») - Московский академический театр Сатиры
- 1954 - «Дело было в Конске» («Домик») - Московский академический театр Сатиры
- 1958 - «Пора любви» - театр Моссовета, Ташкентский русский ТЮЗ (1968)

5. Фильмография.

Фильмы по произведениям В. П. Катаева с канала YouTube

- 1931 - Der brave Sünder. Литературная основа (повесть «Растратчики»)
- 1936 - Цирк. Автор сценария совместно с Ильёй Ильфом и Евгением Петровым; все трое сняли свои фамилии из титров фильма из-за изменений, внесённых в сценарий режиссёром
- 1936 - Родина зовёт Автор сценария совместно с А. В. Мачеретом
- 1937 - Белеет парус одинокий. Фильм. Автор сценария
<https://www.youtube.com/watch?v=qA8BFOxy4qE>
- 1938 - Шёл солдат с фронта. Автор сценария
- 1946 - Страницы жизни. Автор сценария совместно с А. В. Мачеретом
- 1946 - Сын полка. Художественный фильм о войне. Автор сценария
<https://www.youtube.com/watch?v=l41ILZ5G-NQ>
- 1948 - Цветик-семицветик. Автор сценария
- 1956 - Безумный день. Автор сценария
- 1956 - За власть Советов. Автор сценария
- 1956 - Поэт. Автор сценария
- 1965 - Время, вперёд! Автор сценария совместно с М. А. Швейцером
- 1967 - Пауза. Литературная основа (рассказ «Новогодний рассказ»)
- 1968 - Цветик-семицветик. Короткометражный фильм. Автор сценария
- 1968 - Юморески Валентина Катаева. Фильм-концерт. Литературная основа (рассказ «Дневник горького пьяницы», пьеса «Дорога цветов», сказка «Жемчужина»)
- 1970 - Счастливый Кукушкин. Короткометражный фильм. Литературная основа (рассказ «Ножи»). Попав на аттракцион метания колец, молодой рабочий Кукушкин влюбляется в дочку хозяина трактира и просит у него ее руки. Получив отказ, Кукушкин начинает тренироваться метать кольца. Настает день, когда влюбленный выигрывает все имущество нэпмана – и становится вполне состоятельным женихом для возлюбленной

<https://ru.kinorium.com/725647/>

1970 - Хуторок в степи. Автор сценария

1975 - Волны Чёрного моря. Литературная основа. Шумной и веселой Одессе в разгаре лето. Непоседливый Гаврик и его дед ловят рыбу, продавая ее жадной мадам Сто-роженко с привоза, а Петя, сын коллежского советника, собирается поступать в гимназию. Гаврику и Пете не приходится скучать, ведь они - неразлучные друзья и неутомимые проказники. Новые революционные времена вносят неожиданные перемены в их жизнь - в образе беглого матроса с «Потемкина», которого ищут жандармы. На глазах у мальчишек пишутся новые страницы истории и они, сами того не ведая, становятся ее героями...

<https://ru.kinorium.com/737190/>

1976 - Фиалка. Фильм-спектакль. Литературная основа

1977 - Последний лепесток. Литературная основа (сказка «Цветик-семицветик»)

<https://ru.kinorium.com/734875/>

1980 - Je veux voir Mioussov. Литературная основа (пьеса «День отдыха»)

1981 - Сын полка. Литературная основа

1982 - Понедельник - день тяжёлый. Фильм-спектакль. Литературная основа (пьеса «Случай с гением»). Член Союза писателей, автор единственной и давно забытой книги Евтихий Корнеплодов собирается праздновать юбилей. Но накануне выясняется, что потерял членский билет. Заявление Корнеплодова о выдаче ему нового билета напоминает работникам правления Союза писателей, что «маститый» участник различных торжеств фактически не является писателем...

<https://ru.kinorium.com/1580437/>

1984 - Я, сын трудового народа. Литературная основа

1989 - Отче наш. Литературная основа